Vestnik RUDN. International Relations. ISSN 2313-0660 (Print), ISSN 2313-0679 (Online)
Вестник РУДН. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 578–592
http://journals.rudn.ru/international-relations

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-3-578-592
EDN: GQJTBC

Научная статья / Research article

Черноморский регион и Восточное Средиземноморье на пересечении интересов России и Турции: политико-исторический анализ

А.А. Ирхин[1], А.Р. Никифоров[1], О.А. Москаленко[2], Н.Э. Демешко[2]

[1]Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация
[2]Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация
✉alex.irhin@mail.ru

Аннотация. Черноморский регион (ЧР) и примыкающее к нему Восточное Средиземноморье (ВС) неоднократно становились центрами развития глобальных политических событий. В последние несколько лет проблемы вокруг сирийского конфликта, которые можно обозначить через метафору «сирийский узел», разворачивающийся в 2025 г. ирано-американо-израильский конфликт, специальная военная операция (СВО) России на Украине и комплекс производных вопросов вернули эти районы в центр мировой и региональной конкуренции формирующегося мира. Цель и задачи исследования подчинены поискам авторами ответа на несколько вопросов. Образуют ли эти два региона одну геополитическую целостность? Какая география, а следовательно, и геополитика и исторический опыт обусловливают ответ на первый вопрос? Какова степень совместимости и столкновения интересов России и Турции в Черноморском регионе и Восточном Средиземноморье как ведущих региональных держав? С учетом этого в исследовании изучены фундаментальные мотивы политики двух государств в логике соперничества и конкуренции и дан прогноз развития двусторонних отношений на ближайшую перспективу в Черноморском регионе и Восточном Средиземноморье (ЧРиВС). С учетом геополитической игры глобальных игроков в ЧРиВС выявлена двойная система сдерживания, выстроенная коллективным Западом в отношении России и Турции, где Анкара является элементом ограничения политики России в Черном море, но при этом в Восточном Средиземноморье вокруг Турецкой Республики создан схожий по методологии реализации санитарный пояс в духе «британского баланса» в Европе. Исходя из поставленных вопросов, авторы опирались на геополитический, исторический и цивилизационный подходы. Авторы ориентируются на проблему сохранения военно-политических позиций России в Восточном Средиземноморья после «быстрого падения» режима Башара Асада в Сирии. Таким образом, выстроенная Западом система двойного сдерживания позволяет рассчитывать, что логика одновременного соперничества и сотрудничества (но не союза) Турции и России в полузакрытом за счет Конвенции Монтрё 1936 г. Черноморском регионе с большой вероятностью может быть перенесена на Восточное Средиземноморье.

Ключевые слова: российско-турецкие отношения, сотрудничество, конфликт, турецкий баланс, хронополитические циклы, двойное сдерживание

Вклад авторов. Ирхин А.А.: научное руководство исследованием, концептуализация, разработка методологии исследования. Никифоров А.Р.: концептуализация, разработка методологии исследования. Москаленко О.А.: сбор и аналитическая обработка материалов, подготовка текста и графических материалов. Демешко Н.Э.: сбор и аналитическая обработка материалов, подготовка текста и графических материалов. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

© Ирхин А.А., Никифоров А.Р., Москаленко О.А., Демешко Н.Э., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Ирхин А. А., Никифоров А. Р., Москаленко О. А., Демешко Н. Э.* Черноморский регион и Восточное Средиземноморье на пересечении интересов России и Турции: политико-исторический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 3. С. 578–592. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-578-592; EDN: GQJTBC

The Black Sea Region and the Eastern Mediterranean at the Crossroads of Russia and Türkiye's Interests: A Political and Historical Analysis

Aleksandr A. Irkhin[1]✉, Andrey R. Nikiforov[1], Olga A. Moskalenko[2], Natalia E. Demeshko[2]

[1]Crimea Federal University, Simferopol, Russian Federation
[2]Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation
✉alex.irhin@mail.ru

Abstract. The Black Sea region (BSR) and the adjacent Eastern Mediterranean (EMR) have repeatedly become focal points of global political developments. In recent years, issues surrounding the Syrian conflict, which can be described through the metaphor of the 'Syrian knot,' the Israel — U.S. — Iran conflict unfolding in 2025, Russia's special military operation (SMO) in Ukraine, and a host of related issues have returned these regions to the center of global and regional competition in the emerging world. The aim and objectives of this study are guided by the authors' search for answers to several questions: Do these two regions form a single geopolitical entity? What geography, and therefore geopolitics and historical experience, determine the answer to the first question? What is the degree of compatibility and conflict between the interests of Russia and Türkiye in the Black Sea region and the Eastern Mediterranean as leading regional powers? With this in mind, this study examines the fundamental motives of the two states' policies within a logic of rivalry and competition and provides a forecast for the near-term development of bilateral relations in the Black Sea and Eastern Mediterranean (BSEM). Taking into account the geopolitical interplay of global players in the BSEM, a dual system of containment has been established by the collective West against Russia and Türkiye. Ankara serves as a constraint on Russia's Black Sea policy, while a similar sanitary belt, similar in its implementation methodology to the "British balance in Europe," has been created in the Eastern Mediterranean around the Republic of Türkiye. Based on these questions, the authors drew on geopolitical, historical, and civilizational approaches. They focus on the problem of maintaining Russia's military and political position in the Eastern Mediterranean after the 'rapid collapse' of Bashar al-Assad's regime in Syria. It has been established that the system of double containment built by the West allows us to expect that the logic of simultaneous rivalry and cooperation (but not alliance) between Türkiye and Russia in the Black Sea region, which was semi-closed due to the Montreux Convention of 1936, can be transferred with a high probability to the Eastern Mediterranean.

Key words: Russian-Turkish relations, cooperation, conflict, Turkish balance, chronopolitical cycles, dual containment

Authors' contributions. A.A. Irkhin: study supervision, conceptualization, development of research methodology. A.R. Nikiforov: conceptualization, development of research methodology. O.A. Moskalenko: collection and analytical processing of materials, preparation of text and graphic materials. N.E. Demeshko: collection and analytical processing of materials, preparation of text and graphic materials.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Irkhin, A. A., Nikiforov, A. R., Moskalenko, O. A. & Demeshko, N.E. (2026). The Black Sea Region and the Eastern Mediterranean at the crossroads of Russia and Türkiye's interests: A political and historical analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(3), 578–592. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-578-592; EDN: GQJTBC

Введение

События в Сирийской Арабской Республике в декабре 2024 г. поставили перед Россией фундаментальную проблему сохранения военно-политического и иного рода присутствия в Восточном Средиземноморье (ВС). Роль Сирии как союзника РФ трудно было переоценить: это и транспортный узел дозаправки наших воздушных и морских судов, и ключевое пространство влияния на Ближневосточный регион, и русское «окно в Африку», и возможность влияния на мировую (морскую) торговлю и попросту участие в ней, и т. д. В геополитическом контексте ситуация связана с логикой вытеснения Ирана и России за счет коалиционных усилий США, Израиля и Турции, хотя Астанинский формат предполагал другую расстановку сил: Россия, Иран и Турция противостоят Израилю, США, Франции и их прокси.

Возвращение Крыма в состав России в 2014 г. остановило вытеснение РФ из Черноморского региона, но для продвижения ее национальных интересов в Мировом океане это был промежуточный результат. Здесь необходимо учитывать, что в XXI в. безопасность морских путей продолжает играть одну из центральных ролей во внешней политике государств, так как во многом их способность к международной конкуренции зависит от способности извлекать выгоду из международной системы морских перевозок. На сегодняшний день глобальные центры силы реализуют экономическую, военно-политическую и культурную экспансию во многом за счет морей, из-за чего и моря, и морские пути стали важными элементами геополитической конкуренции (Большое Средиземноморье…, 2023, с. 7).

Главными региональными державами (по принадлежности к Черноморскому региону и Восточному Средиземноморью (ЧРиВС)) являются Турецкая Республика (ТР) и Российская Федерация, которые с середины первого десятилетия XXI в. переживают схожие процессы имперского возрождения, пересматривая итоги мировых войн, проигранных коллективному Западу: Россия — холодной войны, а Турция — Первой мировой войны. На современном этапе российско-турецкие отношения характеризуются сложным комплексом политико-экономических противоречий и одновременного сотрудничества. В условиях имперского возрождения это еще и во многом пересечение двух макрорегионов на одном пространстве Евразии, что предполагает рост межгосударственной конкуренции, переходящей в конфликтность уже в ближайшем будущем. Эта сложная подсистема международных отношений, как правило, всегда выходила за рамки двусторонних отношений и имела более масштабное двух-, трех- и четырехстороннее измерение. Невидимыми нитями в этой подсистеме являются Черноморские (Турецкие) проливы, которые становятся то предметом военно-политического союза, то сложного компромисса, то столкновений. Именно эти проливы связывают Черное море с ВС.

В меняющемся мире внешняя политика Турции многовекторна. В этой геополитической игре Турция пытается ставить на две стороны одновременно. Анкара стремится стать частью коллективного Незапада, оставаясь в авангарде коллективного Запада: хочет войти в БРИКС, не ставя под сомнение свое членство в евроатлантических структурах (Ирхин, Москаленко, Демешко, 2025, с. 33). РФ пользуется схожими стратегиями: имея экзистенциальный конфликт с Западом на Украине, Москва пытается восстановить отношения с его ключевыми столицами.

Цель исследования — определение современной роли Черноморского региона и Восточного Средиземноморья в политике Турции и России с учетом системы сотрудничества и противоречий, в рамках которой они взаимодействуют.

Методология исследования основана на применении геополитического, исторического и цивилизационного подходов.

Геополитический подход определяет Турцию как полуостров между бассейнами Средиземного и Черного морей, что создает объективные предпосылки для геостратегии турецкой элиты, воспринимающей ЧРиВС как единое геополитическое пространство, и побуждает Анкару к формированию благожела-

тельной и контролируемой ситуации на этом пространстве. В турецком языке эта картина выглядит иначе: на турецких политических картах Турция — это полуостров между Белым (Средиземным) (*Akdeniz*) и Черным (*Karadeniz*) морями. Лексемы, называющие Средиземное и Черное море, не просто обозначают цвета, а несут более глубокую смысловую и метафорическую нагрузку. «Белое» (Средиземное) море в турецкой семантике — это море перспективы, надежды, богатства и благосостояния, а Черное — представляется опасным и враждебным. При этом в турецком языке существуют синонимы, обозначающие именно цвета: *ak — beyaz, kara — siyah.* Современное движение турецкой политики на Восток через проекцию Турецкого мира (*Türk dünyası*) к водам Каспийского моря, которое обозначается на турецком языке как Хазарское море (*Hazar denizi*), дает историческое измерение турецкой политической географии Евразии и оживляет историческую память о более ранних периодах движения турецких племен с Востока на Запад и их последующих военных и экономических связях.

Рассматривать ЧРиВС как целостное геополитическое пространство Анкаре позволяет тот факт, что фланги Турции сейчас простираются от Балкан до Кавказа.

Более двух с половиной веков назад Кючук-Кайнарджийский мир между Российской и Османской империями обеспечил первой выход к Черному морю и обозначил начало борьбы за постоянное присутствие в этом регионе. Черноморские проливы предоставили России возможность влияния на соотношение экономических интересов и военно-политических сил в Средиземноморье и Мировом океане. Экономика южного вектора экспансии Российской империи укреплялась геополитическим синтезом степи и береговой линии с выходом в Средиземноморье (Новороссия): экспорт выращенных зерновых через черноморские порты в Средиземноморье обеспечивал экономическую экспансию, реализуя геополитическую и геоэкономическую логики русских царей.

Новороссия как часть Русского мира — это стремление континентальной России выйти через «беспокойное» Черное (*Karadeniz*) море в Средиземное (*Akdeniz*) — «море перспективы и благосостояния». Проект Турецкого мира (*Türk dünyası*) — стремление имеющей более благоприятные природные условия развития полуостровной современной Турции получить стратегическую глубину в сухопутной части Евразии через достижение уверенных позиций в районе Каспийского моря (Демешко и др., 2023). Новороссия и Турецкий мир — это встречные геополитические проекции, реализуемые Москвой и Анкарой в ЧРиВС.

Проблематикой развития ЧР, региона ВС и российско-турецкими отношениями занимаются ряд российских академических институтов (ИНИОН РАН, Институт Европы РАН, Институт востоковедения РАН), ряд университетов юга России, сосредоточившихся по естественным причинам на региональной тематике (Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Севастопольский государственный университет, Кубанский государственный университет), зарубежных аналитических центров, прежде всего — западных и турецких.

Обращает на себя внимание ряд качественных российских монографий по данной тематике, изданных за последние несколько лет: коллективные монографии под редакцией Д.А. Дегтерева и М.М. Агазаде (Большое Средиземноморье…, 2023), под редакцией А.А. Ирхина (Ключи от Евразии…, 2024) и А.Г. Гаджиева (Внешняя политика Турции…, 2023). В последние годы турецкие коллеги из Университета Кент (Стамбул) под научным руководством профессора Хасрета Чомака также выпустили ряд монографий по черноморской и средиземноморской геополитике Турции (Karadeniz Jeopolitiği, 2017). В 2025 г. увидела свет монография «Черноморский фактор в турецко-российских отношениях после холодной войны» турецкого исследователя, проходившего подготовку в РУДН (Tatlıoğlu, 2025).

Как представляется, ЧР и ВС как предмет научного политологического исследования могут быть объединены в один регион (Ильин, 2019) с учетом фактора морских коммуникаций и интересов главных региональных

и геополитических субъектов ЧР — Турции и России. Историческая часть исследования позволит продемонстрировать, что в отдельные периоды эти регионы объединялись в одно имперское пространство и сосуществовали в режиме взаимовлияния как оспариваемое между талассократией и теллурократией пространство: между государствами Римленда и Хартленда в логике теорий Х. Маккиндера и Н. Спикмэна.

В периоды силы державы Хартленда продвигаются за Дарданеллы и формируют в Средиземноморье позиции для своего присутствия в южном океаническом пространстве, и, напротив, усиление западных держав Римленда, ведомых, как правило, Великобританией, провоцировало их наступление на Хартленд через Босфорский пролив. При этом Британия по итогам Первой мировой войны начала, а США по итогам Второй мировой войны завершили создание системы окружения и сдерживания Турции через передачу спорных островов (Додеканесские о-ва) Эгейского моря сначала Италии, а затем Греции, поставив своего союзника в контролируемые главными державами Запада рамки пространственного и политического развития. Турция и Россия, таким образом, оказались в «тисках» двойного и непосредственного окружения американо-британской логикой «анаконды», где Россия сдерживается Турцией в Черноморском регионе, а Турция — Грецией и другими западными партнерами Афин в Восточном Средиземноморье. Этот факт на методологическом уровне формирует пространство совместных интересов для Анкары и Москвы как в Черном море, так и в Восточном Средиземноморье.

В этой цепочке политических событий еще прошлого века, инерция которых, безусловно, работает и в настоящее время, просматривается одна методологическая ошибка Запада, допущенная еще Великобританией, — и это Конвенция Монтрё, которая была заключена если не под эгидой, то при значительном содействии Лондона. Италия заканчивала Первую мировую войну как союзник Антанты, весьма неудовлетворенный союзник, и следствием этого недовольства стал приход к власти Б. Муссолини, который начал пересмотр итогов Первой мировой, хотя к тому моменту ключевые острова Восточного Средиземноморья были уже в руках Рима, а действовавшая Лозаннская конвенция (1923), регулировавшая проход военно-морских сил через Дарданеллы и Босфор, не чинила препятствий для итальянского военно-морского флота. Однако самым сильным вызовом для Лондона стал итальянский образ будущего для Средиземноморья, который воплотился в тезисе «Средиземноморье для средиземноморских держав» и концепции Большого Средиземноморья. В переводе на язык геополитики это означало, что Британии нет места в Средиземноморье. Это был интеллектуальный прецедент, ломавший логику глобальной Британии, которая стремилась к контролю над Мировым океаном. В 1936 г. была заключена Конвенция Монтрё, где среди подписантов не оказалось таких великих держав (каждой — по своим причинам), как Италия, Германия и США. Сейчас эта Конвенция, существующая 90 лет, препятствует Великобритании в процессе ее имперской «реанимации».

На основе наиболее очевидного прибрежного принципа к территориям и государствам, входящим в Черноморско-Восточно-Средиземноморский регион, следует отнести Россию, Турцию, Украину, Румынию, Болгарию, Грузию, Молдову (Черноморский регион), Грецию, Египет, Сирию, Ливан, Ливию, Израиль, Турецкую Республику Северного Кипра (ТРСК), Республику Кипр и критические водные коммуникации: Черноморские проливы и Суэцкий канал (Восточное Средиземноморье).

Однако здесь проходят главные разделительные линии между Россией и Западом, описанные Х. Маккиндером: «Естественным выходом из Хартленда был морской путь через константинопольские проливы. Мы уже видели, как Рим отодвигал свою границу через Черное море и превращал Константинополь в локальную базу своего средиземноморского морского могущества, воюя со степняками-скифами. Россия при царе Николае стремилась использовать эту тактику „от обратного“:

владея Черным морем с выходом на юг, она желала распространить свою сухопутную силу на Дарданеллы. В результате, чего следовало ожидать, Западная Европа объединилась против России» (Маккиндер, 2023, с. 238). Таким образом, по Х. Маккиндеру, Россия — это держатель земель Хартленда, а Турция находится на границе Хартленда и Римленда.

Русский геополитик А.Е. Вандам (Едрихин) писал примерно в то же время, что и Х. Маккиндер, что «полная удаленность его (русского народа. — *Прим. авт.*) от мировых торговых трактов, т.е. моря, и суровый климат страны обрекают его на бедность и невозможность развить свою деловую энергию. Вследствие чего, повинуясь законам природы и расовому инстинкту, он неудержимо стремится к югу, ведя наступление обеими оконечностями своей длинной фронтальной линии. На путях его наступления лежат Китай, Персия и Малая Азия» (Вандам, 2022, с. 169). Логику британцев русский геополитик просчитывает и предполагает, что те будут действовать против русских, решая две задачи: во-первых, уничтожить торговый и военный флоты России и, предельно ослабив ее, оттеснить от Тихого океана вглубь Сибири; во-вторых, приступить к овладению всей полосой Южной Азии между 30 и 40 градусами северной широты и с этой базы постепенно оттеснить русский народ к северу. «Так как, по обязательным для всего живущего законам природы, с прекращением роста начинается упадок и медленное умирание, то и наглухо запертый в своих северных широтах русский народ не избегнет своей участи» (Вандам, 2022, с. 169–170).

Западная логика запирания России в северных широтах и отрезания ее от морских путей прослеживается на протяжении нескольких последних столетий.

Британский геополитик Ф.Х. Коломб в отношении англо-французских войн — в том числе будущих — за Мировой океан отмечал, что в истории известен единственный пример абсолютного обладания морем — и это положение Великобритании и Франции в Крымской войне. Отчасти он связывает его, во-первых, с «особенным положением неприятельских морских портов на берегах морей, которые суживаются в так легко охраняемые проливы Босфор, Дарданеллы, Зунд и Бельты» (Коломб, 2003, с. 262), а во-вторых, но не в-последних, с силой пара: «Можно прямо сказать, что если бы в русском флоте пар имел такое же применение, какое он имел у союзников, то очень возможно, что даже в Балтийском и Черном морях влияние враждебных России флотов могло бы быть до некоторой степени оспариваемо» (Коломб, 2003, с. 262). Фактически английский адмирал пишет о необходимости технического превосходства британского флота для проведения военно-морских операций подобного рода, выделяя, однако, Балтийское и Черное моря.

Ретроспективный анализ развития ЧРиВС позволяет выявить взаимосвязь этих регионов в рамках противостояния разных имперских систем и фазы их развития, которые обусловливают как единство регионов в одном пространстве, так и их разделение и противостояние.

Любые имперские пространства — от Римской до Османской и Российской империй — в ЧР стремились к контролю над Черноморскими проливами и Крымом как двумя ключевыми точками (Никифоров, 2008). Однако если разрушается формула имперского контроля региональных держав над Крымским п-овом и Босфором и Дарданеллами одновременно, а нерегиональная мировая держава начинает контролировать одну из ключевых точек или сразу обе (Проливы и/или Крым), то уже в краткосрочной перспективе государственность Турции и России оказываются под угрозой исчезновения. Внутри этой логики стремление России контролировать Черноморские проливы находит историческое подтверждение в политике русских государей по Восточному вопросу, а притязания Турции на возвращение крымских земель отсылают к российско-турецким отношениям второй половины XVIII в., но в реалисткой парадигме современные элиты Турции и России будут стремиться к сохранению этой имперской формулы при условии существования неизменной переменной в виде Конвенции Монтрё 1936 г. Благодаря этому ТР сохраняет значительную

автономию от западных партнеров по Организации Североатлантического договора (НАТО) в ЧР, так как при гипотетическом сценарии, в котором Крым переходит под контроль одной или нескольких нерегиональных держав, Турция впоследствии утратит контроль над Проливами, о чем говорит формула, выведенная одним из соавторов этих строк: кто владеет Черноморским (Турецкими) проливами, тот владеет Южным и Центральным Черноморьем, кто контролирует Крым, тот контролирует Северную и центральную часть Черного моря и Причерноморья. Таким образом, между Россией и Турцией сложился негласный кондоминимум (совместное управление) регионом. Сценарии, когда ТР начинает контролировать Крымский полуостров, или же Россия — Босфор и Дарданеллы, противоречат двум с половиной векам исторического опыта сосуществования России и Турции в Черном море, сформировавшим современный баланс интересов и противоречий (Ирхин, Москаленко, Демешко, 2024).

Исследовательский вопрос, который ставят перед собой авторы, состоит в следующем: могут ли Россия и Турция в процессе имперского возрождения перенести формулу сосуществования с Черноморского региона в Восточное Средиземноморье? Ведь имперское возрождение предполагает создание двух макрорегионов, которые во многом накладываются друг на друга, создавая чрезвычайно конкурентную среду. ВС с учетом пестроты вызовов, формируемых Западом (частью которого является и сама Турция) и его союзниками для Турции и России, также имеет возможность нахождения компромисса и перенесения логики сотрудничества, сложившейся в ЧР, где Анкара за счет механизма «турецкого баланса» успешно реализует свои интересы, а Россия может формировать для себя благоприятный баланс сил, опираясь на российскую имперскую и советскую традиции и геополитические позиции.

Решение поставленных в исследовании задач требует выявления и сравнения исторических и геополитических циклов развития Причерноморья и ВС. ВС и географически, и культурно-исторически является органической частью Большого Средиземноморского региона, формируя с остальными его отсеками единую политико-географическую целостность (Окунев, Захарова, 2022). Тем не менее оно представляет собой географически замкнутое пространство, отгороженное от более западных отсеков Средиземного моря Балканами, ливийской Киренаикой, расположившимся между ними Критом — с одной стороны, и сообщающееся с Черным морем через систему проливов Босфор и Дарданеллы (если смотреть на них со стороны ВС — в обратном порядке) — с другой. При этом ВС четко делится на две неравные части, одну из которых формирует европейское побережье Эгейского моря (в дальнейшем она будет обозначена как «Малая северо-западная дуга»), а вторая состоит из прилегающих к средиземноморскому побережью Малой Азии, Ближнего Востока и Египта (далее — «Большая восточная дуга»).

Можно ли рассматривать ВС как специфический регион (субрегион) Средиземноморья? В физико-географическом контексте — однозначно да. Чтобы утвердительно ответить на этот вопрос в политико-географическом контексте, необходимо установить характерную именно для ВС геополитическую ритмику, позволяющую говорить о существовании закономерностей его политического развития, что дает возможность делать обоснованные геополитические прогнозы. Поиск региональной ритмики политического развития ЧР, соседнего с ВС, позволил установить цикличность его геополитической эволюции, выделить соответствующие циклы, в целом совпадающие с цивилизационными эпохами истории региона и рассмотреть последовательно сменяющие друг друга фазы этих циклов (Никифоров, 2008, с. 61–62).

ВС — не просто соседняя с ЧР территория. Проливы, которые в равной степени можно рассматривать в качестве составной части как Черноморья, так и ВС, объединяют две акватории в своего рода «систему сообщающихся сосудов». На протяжении тысячелетий ВС выполняло роль плацдарма для освоения ЧР носителями талассократического начала. Закрепление на черноморских берегах теллурократий всегда предполагало дальнейшую экс-

пансию, что требовало создания плацдармов в ВС. Так было, начиная с полулегендарных походов на Царьград Олега «Вещего» вплоть до нынешних российских попыток обосноваться на базах, расположенных на сирийском побережье.

Геополитическая динамика ВС последних двух с половиной тысячелетий укладывается в два полных цикла, продолжительность каждого из которых составляет примерно 1100–1200 лет. Остаток рассматриваемого временного отрезка пришелся на начало (завершенную первую и незавершенную вторую фазы) третьего цикла. Оба завершенных цикла включают в себя по три последовательно сменяющих друг друга фазы:

1) противостояние двух геополитических субъектов, один из которых занимает европейскую часть региона (Малую северо-западную дугу), второй — азиатскую часть вместе с Египтом (Большую восточную дугу). В первом случае эта фаза продлилась не более 200 лет, во втором — около 450, а в ныне протекающем цикле она уложилась в отрезок не более 100 лет;

2) погружение региона в состояние политической фрагментации. В первом случае эта фаза длилась около 300 лет, во втором — около 350. Сейчас регион находится как раз в этой фазе третьего цикла, и длится она примерно 100 лет;

3) объединение региона под властью одной политической силы. В ходе первого цикла эта фаза длилась около 700 лет, второго — около 300.

Если описанная периодичность реально существует, то в будущем регион ждет очередной период политической консолидации, сроки наступления и продолжительность которого будут зависеть от длительности нынешней фазы. Однако это прогноз на стратегическую перспективу, очевидно, не нескольких ближайших десятилетий, возможно даже — не текущего столетия.

Тем не менее дальнейшее развитие и конкретизация предложенной модели вполне могут сблизить временные масштабы основанного на нем прогнозирования со сроками (гео) политического планирования и уточнить геополитический портрет региона.

Так, например, легко заметить, что характер противостояния в ВС во все эпохи носит цивилизационный характер. Именно столкновение цивилизаций, расположенных на полюсах региона, определяет не только содержание стартовой фазы каждого геополитического цикла, но и фактически формирует параметры всех последующих фаз цикла. Об этой особенности региона, издревле являвшегося местом встречи носителей различных цивилизационных начал, упоминает еще А. Тойнби, утверждающий, что зарождение двух мировых религий — христианства и ислама — произошло в результате синтеза греко-римского и сирийского начал, точнее — ответа сирийской цивилизации на греко-римское вторжение (вызов): христианство — как ответ ненасильственный, а ислам, напротив, — как насильственный (Тойнби, 2011, с. 207). Любопытно, что уже на новом геополитическом витке регион становится эпицентром борьбы носителей им же порожденных религий, а на следующем — религиозный характер этой борьбы сохраняется, но «разбавляется» секуляризованным понятием цивилизации и может трактоваться как столкновение Востока и Запада.

В современном политическом раскладе в регионе наблюдается пересечение интересов западной (западно-христианской), православной (российской) и исламской цивилизаций, причем последняя представлена в ВС входящими в ее состав цивилизациями второго порядка: «светской» (условно тюркской) и «фундаменталистской» (условно арабской) версиями. Несколько особняком в этом раскладе стоит Государство Израиль, которое не может быть без ряда оговорок отнесено к западной цивилизации, хотя, несомненно, на сегодняшний день примыкает именно к этому культурно-историческому блоку.

Множественность носителей различных цивилизационных начал, интересы которых пересекаются в регионе, обусловили краткосрочность первой фазы современного геополитического цикла ВС и погрузили регион в состояние политической фрагментации.

Любопытным выглядит сравнение геополитических ритмов ВС с геополитическими цик-

лами смежного ЧР. Длительность выделенных черноморских циклов составляет 700–800 лет, и они определяются не столько цивилизационным противостоянием (хотя цивилизационный характер в ходе своего развития, несомненно, приобретают), сколько задаются столкновением и взаимодействием морского и сухопутного геополитических начал. Это обусловлено тем, что Черноморье расположено на стыке большого Средиземноморского региона и внутренней Евразии (маккиндеровского Хартленда)[1]. ВС же не просто целиком погружено в пределы Средиземноморья, но и является узлом в рамках территориального пояса, который можно определить как «колыбель человеческих цивилизаций», обозначенного Н. Спикмэном как Римленд (Спикмэн, 2022).

Однако для морского вторжения в Черноморье ВС выполняет роль базы, обеспечивая стратегическую глубину этому вторжению. Мало того, на уровне фаз геополитических циклов смежных регионов наблюдаются явные пересечения. Так, например, фаза греко-персидского противостояния в ВС довольно точно совпадает с первой фазой первого черноморского цикла, в рамках которого в Причерноморье разворачивается столкновение/взаимодействие морского и сухопутного начал. Вскоре после установления римской гегемонии в ВС она была распространена и на берега Черного моря.

Во время противостояния с арабами, а позднее с турками в ВС Византия предпринимала попытки — нередко успешные — замкнуть на себя Причерноморье. Однако, утратив монопольный контроль за Проливами, допустила прорыв в Черное море итальянских торговых республик Генуи и Венеции. На следующей фазе Черноморье стало своего рода буфером, прикрывавшим владения Османской империи с северо-востока. Черное море несколько раньше, чем ВС, перестало быть «турецким озером», но случилось это в хронологически близкие сроки и в ходе одних и тех же политических процессов.

Прочные позиции геополитического субъекта в ВС (прежде всего, уверенный контроль над Проливами) становятся не просто условием экспансии в черноморском направлении, но делают такую экспансию неизбежной. Сравнивая геополитическую динамику в ВС и Причерноморье, можно констатировать автономность регионов друг от друга, но при этом очевидное взаимовлияние. ВС чаще и определеннее воздействует на ЧР, обратное влияние чаще всего носит пассивный характер. Остается определить отношение обоих регионов к вмещающему их Большому Средиземноморью.

Примечательно, что для политических ритмов Средиземноморского региона цикличность не характерна. Здесь, скорее, можно говорить о линейных процессах, протекавших первоначально в субширотном направлении и приведших к объединению региона в пределах Римской державы. С момента арабских завоеваний Средиземное море становится своего рода линией фронта между противостоящими цивилизациями, то есть политические процессы приобретают преимущественно субмеридиональную направленность.

Впрочем, тенденция к единству Средиземноморского региона никогда полностью не исчезала, а само Средиземное море едва ли можно считать надежной естественной границей. Еще Х. Маккиндер отмечал, что «фактически южной границей Европы была и остается Сахара, а не Средиземноморье, поскольку это пустыня, которая отделяет черного человека от белого» (Маккиндер, 2023, с. 64). Геополитическая динамика Средиземноморья в целом не является суммой процессов в его отдельно взятых секторах. Теоретическая синхронизация циклов развития Причерноморья и ВС позволяет увидеть разницу их наполнения в двух регионах, а также периоды, когда они становились единым пространством, взаимное влияние друг на друга в рамках конкуренции морских и сухопутных экспансий, когда контроль теллурократии над Черным морем неизменно двигал ее в ВС, а оттуда далее по водам Мирового океана. В то же время талассократическая сила, завладев контролем над ВС, стремилась проникнуть в Черное море и далее на Восток, лишая Хартленд его устойчивости и стратегической глубины.

[1] Подробнее см.: (Маккиндер, 2023, с. 103–324).

На момент формирования тезисов данной публикации во внешнеполитических линиях разделения держав в Балто-Черноморско-Каспийском пространстве произошел полный ренессанс геополитических идей XX столетия.

Здесь необходимо учитывать, что любая геополитическая схема, объясняющая настоящее и ближайшее будущее, работает в определенных исторических временных рамках и соответствующем балансе сил в регионе и мире. Однако динамика военно-политических событий в 2022–2026 гг. сильно ускорилась, в том числе в критических регионах для российско-турецких отношений, которые в свою очередь интегрированы в коалиционные комбинации коллективного Запада и Незапада. С декабря 2024 г. наблюдается коалиционное вытеснение и ослабление российских позиций во фланговых позициях Турции в ВС и в Закавказье в цепочке событий: Сирия и падение режима Башара Асада, ирано-израильский конфликт, который привел к одновременному ослаблению Ирана и России на Южном Кавказе и последующему усилению Турции и США как союзника Турции, что, скорее всего, будет иметь продолжение как в географическом, так и сущностном измерении. Однако динамика американо-израильско-иранского конфликта, начавшегося в феврале 2026 г., напротив, показала ограниченность возможностей коллективного Запада, которая привела в свою очередь к дополнительному расколу его позиций. Эта тенденция, как представляется, тоже продолжит развиваться.

До декабря 2024 г. Анкара и Москва формировали договоренности, вокруг которых выстраивался военно-политический климат ЧРиВС. Однако сейчас эта формула сузилась до вод Черного моря, и стержневым фактором этих весьма динамичных договоренностей является Конвенция Монтрё.

Турция использовала занятость России в специальной военной операции (СВО), чтобы обрушить балансы в двусторонних отношениях путем вытеснения российских военно-политических позиций как с баз в Сирии, так на Южном Кавказе. С реализацией идеи Зангезурского коридора Анкара решила бы сразу несколько геополитических проблем: отсутствие связанности геополитического пространства Тюркского/Турецкого мира и продвижение и реализацию своего транспортного «Срединного коридора» вглубь Евразии. Естественно, что это все происходит за счет российских интересов — идеологических позиций Русского мира и российского проекта выхода к южным морям «Север — Юг». Однако в эту логику вмешалась геостратегия США, которые, получив контроль над Зангезурским коридором, выстроят контролируемый процесс имперского возрождения Турции и развития геополитического проекта Турецкого мира. Державность Турции оказывается в клещах Запада между Додеканесскими о-вами в ВС и Зангезурским коридором — на Южном Кавказе.

Для России ЧРиВС — часть системы геополитических проблем, связанная с безопасностью российского Черноморского побережья. В периоды относительной слабости оно открывает для враждебных военно-морских сил доступ вглубь страны, а когда Россия находится в устойчивом положении — обеспечивает ей выход и экспансию в Средиземноморский бассейн и дальше в Мировой океан. За последние два века каждый раз ослабление или фрагментация территории исторической России были связаны с потерей позиций в ЧР (Крымская война) или большей части Черноморского побережья (Первая, Вторая мировые войны и итоги холодной войны) и последующей борьбой за их возвращение[2]. В случае вытеснения Черноморского флота РФ из Крыма в 2014 г., очевидно, включился бы «эффект домино» по полному вытеснению РФ из ЧР, что поясняет логику принятия политических решений В.В. Путиным (Ключи от Евразии…, 2024, с. 250).

Формирующаяся новая мировая логистика в ЧРиВС: интересы России и Турции

История России и Турции показывает устойчивое стремление двух держав получить влияние на региональную и мировую логистику

[2] Подробно об изменении протяженности российского Черноморско-Азовского побережья см.: (Ключи от Евразии…, 2024, с. 95).

и торговлю. Само возникновение двух государств связано с двумя важнейшими торговыми путями — «Из варяг в греки» и «Великий шелковый путь». Причем если Киевская Русь довольно успешно использовала свое географическое положение в региональной торговле между Северной и Южной Европой на протяжении длительного исторического периода (с момента возникновения до монгольского завоевания), то, по утверждению американского исследователя Дж. Фридмана, после завоевания турками-османами Константинополя они получили контроль в ВС за ключевыми пунктами «Великого Шелкового пути», после чего подняли пошлины на провоз в Европу пряностей и других товаров, что заставило европейцев искать альтернативные торговые пути с Востоком и привело к эпохе Великих географических открытий (Фридман, 2016, с. 60).

В пост-Ялтинском мире каждая из держав пытается возродить свое ключевое логистическое значение в мировой торговле с учетом глобальных изменений. Россия выстраивает логистику Северного морского пути, возрождает Новороссию и прорывается к южным морям через транспортный коридор «Север — Юг», где ключевым пространством являются Южный Кавказ и Иран. В Априне, пригороде Тегерана, соединяются железнодорожные пути российского проекта «Север — Юг» и китайского «Один пояс, один путь», что свидетельствует о синхронизации борьбы Москвы, Пекина и Тегерана за новую геоэкономическую логистику, независимую от Запада.

ТР выстраивает свою логистику вглубь Евразии через «Срединный коридор», который соединяет Восток и Запад. Борьба за новую мировую логистику обусловливается политическими и геополитическими аргументами. Так, синхронизация морской концепции «Голубая Родина» и сухопутной Турецкий/Тюркский мир (претензии Турции на лидерство в тюркском мире) в целом обеспечивает идеологическую составляющую этой экспансии и значимость Республики в новой мировой логистике, предлагая элитам Южного Кавказа и Центральной Азии портовые возможности Турции в ВС для дальнейшей доставки грузов через Мировой океан.

История будущего компромисса

Общая проблема, с которой сейчас столкнутся Россия и Турция, — это их имперское возрождение, при том что макрорегионы, представляющие интерес для обеих держав, во многом совпадают. В этих условиях их военное столкновение выглядит практически неизбежным. По итогам этого конфликта сформируется новый баланс сил и региональное равновесие.

Однако Турция и Россия не конкурируют в вакууме. Решение «сирийского вопроса» в декабре 2024 г. делает также неизбежным столкновение Турции и Израиля в ВС, а в расширенном ЧР параллельно реализуются пять-шесть геополитических проектов: Большой Черноморский регион (США), Триморье (Великобритания), «Один пояс, один путь» (КНР), Новороссия (рис. 1), Турецкий мир (рис. 2) и Голубая Родина (Турция) и Персидский мир. К последнему проекту будет вынужден обратиться Тегеран (при сохранении национального государственного курса) после новых попыток ликвидации его государственности в июне 2025 г. и феврале 2026 г. Получение США контроля над Зангезурским коридором необходимо рассматривать как один из итогов (возможно, промежуточных) в процессе реализации проекта Большого ЧР, выдвинутого Вашингтоном еще в 2004 г.

Черноморская геополитическая формула для России строится на учете двух условий. Согласно первому, при потере контроля над Крымским п-овом будет потерян и Кавказ, а значит, Россия должна удерживать Северное Причерноморье. Согласно второму условию, утрата Крыма и Кавказа запустит процессы, которые приведут к распаду России по линии территорий, присоединенных еще Иваном IV и сформировавших для Московского царства возможность получения статуса империи.

Турции, выводя свою черноморскую геополитическую формулу, следует помнить о возможности реализации двух крайностей: либо Черное море может стать «русским озером», либо может быть подписан новый Севрский договор. Пока Р.Т. Эрдоган лавирует между этими вариантами благодаря Конвенции Монтрё 1936 г.

Рис. 1. Проект Новороссии

Источник: составлено А.А. Ирхиным, А.Р. Никифоровым, О.А. Москаленко и Н.Э. Демешко с наложением карты Новороссийской губернии из 12 уездов: Вильбрехт А.М. Российский атлас, из сорока трех карт состоящий и на сорок одну губернию Империю разделяющий (1800) // Геопортал Русского географического общества. URL: https://geoportal.rgo.ru/record/5976?ysclid=ml3movct4e527238652 (дата обращения: 12.06.2026).

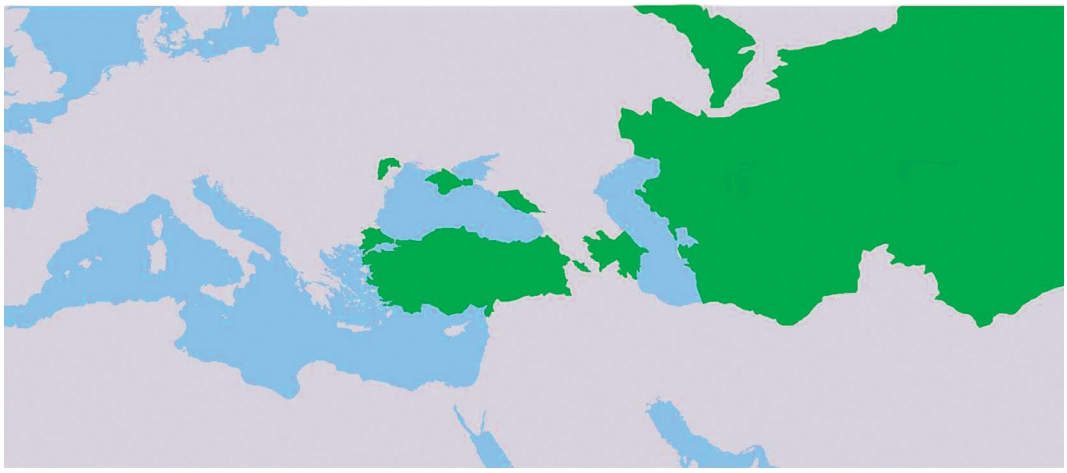

Рис. 2. Проект Тюркского/Турецкого мира

Источник: составлено А.А. Ирхиным, А.Р. Никифоровым, О.А. Москаленко и Н.Э. Демешко.

Продолжая логику метафоры В.М. Молотова о том, что Советский Союз «хотят держать за горло руками турок в Черноморских проливах», прозвучавшей в 1945 г., когда СССР пытался получить базу в Триполитании[3], чтобы хоть как-то присутствовать в Средиземном море, можно сказать, что всего пару лет спустя «руки сомкнулись и на горле турок», когда в 1947 г. Кастеллоридзо и другие спорные острова в Эгейском море получила Греция. Таким образом США и Великобритания реализовали систему двойного сдерживания как противников-русских, так и союзников-турок.

В настоящее время лидеры западной цивилизации Великобритания и Соединенные Штаты Америки планомерно обозначают тенденцию по пересмотру Конвенции Монтрё 1936 г. (Москаленко и др., 2023), хотя последние даже не являются подписантами документа. Раз-

[3] Алексеев А. Африканская игра Сталина // Коммерсант. 03.10.2020. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4518596 (дата обращения: 08.12.2024).

мышления о том, почему вообще в 1936 г. Великобритания и Франция вынуждены были отказаться от безусловно выгодного им открытого режима Черноморских проливов, принятого на Лозаннской конференции, в пользу доныне актуального и предоставляющего преимущества державам Черного моря перед нерегиональными державами режима, побуждают вспомнить внешнеполитическую линию, которую реализовывала Италия в первой половине XX в., пока не потерпела поражение во Второй мировой войне.

В 1923 г. Додеканесские о-ва перешли к Италии, а самый крупный из них — Кастеллоридзо — стал «форпостом Европы на Востоке». Однако так и не освоенные Италией острова в 1947 г. перешли под суверенитет Греции (Нестерова, 2018, с. 271–272). Сценарий, которого Турция сумела избежать по итогам Лозаннского мира, был все же реализован, причем руками союзнических для турок США и Великобритании. Именно в 1920–1940-х гг. итальянская геополитика озвучила идею «Средиземноморье для средиземноморских держав»: в основу возрождения Большого Средиземноморского пространства под эгидой Италии была положена идея экономического единства с включением в него государств Европы, Средиземноморья, Северной Африки и Ближнего Востока. Как отмечает М.А. Шепелев, прозвучавший в борьбе с британцами лозунг «Средиземное море для средиземноморских народов» обозначил геополитические процессы, работавшие на интересы Советского Союза. Одной из уязвимых региональных позиций являлся режим Черноморских проливов, установленный на Лозаннской мирной конференции в 1923 г. (Шепелев, 2017). Таким образом, Конвенция Монтрё, 20 июля 1936 г. закрепившая новый режим Черноморских проливов[4], стала инструментом ответного геополитического проектирования Великобритании, целью которого было отсечение Италии от Черноморского региона. Однако на текущем этапе именно Конвенция Монтрё 1936 г. сдерживает англо-американскую экспансию вглубь континента через Проливы, Крым и Закавказье в Центральную Азию.

Заключение

Геополитические проблемы развития ЧРиВС являются первостепенными для двух держав региона — России и Турции — и определяют широкий интерес многих других региональных и нерегиональных акторов. Насыщенность военно-политическими противоречиями, помноженными на ресурсы и высокий потенциал транзитности регионов, формирует чрезвычайно конфликтное ключевое пространство мира. 12-дневный ирано-израильский конфликт июня 2025 г. и ирано-американо-израильский конфликт 2026 г. показали глубину противоречий и опасность перерастания региональной войны в мировую. ЧРиВС является перекрестком старых и формирующихся новых путей мировой торговли. Конкуренция за их проектирование и реализацию, а также наличие значительных исторических и геополитических противоречий обусловлены также сложившимися противоборствующими парами: арабов и евреев, турок и арабов, персов и евреев, персов и арабов, русских и турок, азербайджанцев и армян и т. д. Продолжительное время район конструировался британской колониальной политикой баланса и противопоставления вышеперечисленных конкурентных пар, однако интервенция США в Ирак в начале XXI в. сломала эту логику внешнего управления, проявив коалиционные противоречия между Турцией и США. Последствием американского слома британского баланса в регионе было усиление Ирана.

Двухконтурный уровень управления регионом со стороны глобальных и региональных держав сформирован западными технологиями «сдерживания» в отношении России и двойного «сдерживания» в отношении союзников США и Великобритании. Для последней этот район мира является сферой традиционных геополитических интересов.

[4] Подробнее см.: (Москаленко и др., 2023).

Внутренний уровень управления ЧРиВС принадлежит региональным державам, которые через механизмы конфликта и сотрудничества на протяжении нескольких столетий формировали подвижный и весьма динамичный российско-турецкий баланс. Для Турции и России Черное море и ВС — это источник системы угроз, исходящих последние несколько столетий от ведущих западных держав, и одновременно перспектив, заключающихся в выходе и влиянии на глобальную морскую торговлю.

Для современной РФ этот регион важен и в контексте реализации африканского вектора ее внешней политики. ТР также активно проводит свою экспансию на Африканском континенте. Во многих сферах российско-турецкие отношения развиваются в рамках острой конкуренции, однако стремление внешних субъектов активно присутствовать в этих же регионах заставляют Москву и Анкару искать различные формы компромиссов и сосуществования.

Новороссия как геоэкономический проект — это возвращение России в Средиземноморье и далее в Мировой океан. Для Турции Турецкий мир и «Голубая Родина» — это попытка получить стратегическую евразийскую глубину и доступ к ресурсам, преодолев рамки системы западного «сдерживания» своих союзников в ВС. В этой скорее экономической логике Россия и Турция заперты геополитическим проектированием главных западных морских держав в ЧРиВС за счет использования исторических противоречий и географии между русскими и турками («держать русских за горло в Турецких проливах руками турок») и между греками и турками в районе Додеканесских о-вов, блокирующих свободный выход Турции в Средиземное море и Мировой океан. Именно логика двойного сдерживания Турции и России архитекторами западной геополитики при условии понимания этих механизмов в Анкаре и Москве и национальной ориентированности элит позволяет объединять эти регионы для двух держав в одно геополитическое пространство с целью прорыва в Мировой океан и получения достойной доли в распределении мировых ресурсов. Противоположный сценарий предполагает столкновение двух главных региональных держав — России и Турции — на фоне повышающейся многосторонней конкуренции в ЧРиВС, отчего выиграют в первую очередь западные союзники Турции. Однако впоследствии, в зависимости от результатов этого столкновения, перед Западом встанет вопрос ослабления самой Турецкой Республики, а для Анкары возникнет угроза нового Севрского договора.

Поступила в редакцию / Received: 09.07.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 13.10.2025
Принята к публикации / Accepted: 23.06.2026

Список литературы

Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений / под ред. Д. А. Дегтерева, М. М. Агазаде. Москва : Аспект Пресс, 2023. EDN: RXUDCZ

Вандам А. Е. Наше положение // Фурсов А. Русские о главном противнике : сборник. Москва : Наше завтра, 2022. С. 109–235.

Внешняя политика Турции в период правления Партии справедливости и развития (2002–2023 гг.). К 100-летию республики / отв. ред. А. Г. Гаджиева. Москва : Институт востоковедения РАН, 2023. EDN: WVSGTH

Демешко Н. Э., Мурадов Г. Л., Ирхин А. А., Москаленко О. А. Русский и Тюркский миры на пространстве Евразии // Вестник МГИМО-Университета. 2023. Т. 16, № 6. С. 153–182. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-6-93-153-182; EDN: FQXELY

Ильин М. В. Морфология геополитических пространств // Вопросы географии. 2019. № 149. С. 322–353. EDN: KRBVWU

Ирхин А. А., Москаленко О. А., Демешко Н. Э. «Турецкий баланс», или Внешнеполитическая стратегия Турции в Черноморском регионе на фоне специальной военной операции // Вестник Российского университета

дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 1. С. 7–22. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-7-22; EDN: DHSPMY

Ирхин А. А., Москаленко О. А., Демешко Н. Э. Турция и Россия в Черноморском регионе и Восточном Средиземноморье: диалектика сотрудничества и конкуренции держав в меняющемся мире // Ближний и Постсоветский Восток. 2025. № 1. С. 30–49. EDN: ILHYOB

Ключи от Евразии. Россия и Турция в Черноморском регионе / под общ. ред. А. А. Ирхина. Москва : Аспект Пресс, 2024. EDN: ISLTYK

Коломб Ф. Х. Морская война. Москва : АСТ ; Санкт-Петербург : Terra fantastica, 2003.

Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории. Москва : АСТ, 2023.

Москаленко О. А., Мурадов Г. Л., Ирхин А. А., Демешко Н. Э., Нагорняк К. И. Конвенция Монтрё после начала СВО. Статус-кво или денонсация: дискурс международных акторов и возможные геополитические последствия для Черноморского региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 4. С. 643–661. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-643-661; EDN: OFPEIF

Нестерова Т. П. «Форпост Европы на Востоке»: архипелаг Кастеллоридзо в контексте итальянской политики в Восточном Средиземноморье 1912–1932 годов // Научный диалог. 2018. № 9. С. 262–274. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-9-262-274; EDN: VADSUM

Никифоров А. Р. Ритмы Большого Черноморского пространства: сверим часы // Международный круглый стол «Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины» : сборник материалов / под ред. А. Мальгина. Симферополь : СОНАТ, 2008. С. 60–67.

Окунев И. Ю., Захарова Е. А. Большое Средиземноморье как макрорегион: опыт пространственного анализа // Полис. Политические исследования. 2022. № 3. С. 24–37. https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.03; EDN: JBWIYA

Спикмэн Н. Политическая карта Евразии // «Новая Атлантида». Геополитика Запада на суше и на море / Н. Спикмэн, К. Шмитт. Москва : Родина, 2022. С. 85–86.

Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. Москва : АСТ, 2011.

Фридман Дж. Горячие точки. Геополитика, кризис и будущее мира. Москва : Питер, 2016.

Шепелев М. А. Журнал «Geopolitica» и становление итальянской геополитической школы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 2. С. 325–338. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-325-338; EDN: YMRWGD

Karadeniz Jeopolitiği / ed. by H. Çomak, C. Sancaktar, V. Tatar, B. Ş. Şeker. İstanbul : Beta, 2017.

Tatlıoğlu E. Soğuk Savaş Sonrasında Türkiye—Rusya İlişkilerinde Karadeniz Faktörü. Ankara : Nobel Akademik Yayıncılık, 2025.

Сведения об авторах:

Ирхин Александр Анатольевич — доктор политических наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского; Российская Федерация, 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, д. 4; eLibrary SPIN-код: 7399-0942; ORCID: 0000-0001-7895-550X; e-mail: alex.irhin@mail.ru

Никифоров Андрей Ростиславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского; Российская Федерация, 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, д. 4; eLibrary SPIN-код: 4855-1662; ORCID: 0009-0009-5106-5457; e -mail: nandrey@bk.ru

Москаленко Ольга Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Севастопольский государственный университет; Российская Федерация, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33; eLibrary SPIN-код: 2703-2615; ORCID: 0000-0002-4162-3162; e-mail: kerulen@bk.ru

Демешко Наталья Эдуардовна — кандидат политических наук, доцент кафедры «Основы российской государственности и цивилизационные исследования», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет; Российская Федерация, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33; eLibrary SPIN-код: 5312-9118; ORCID: 0000-0002-9620-2410; e-mail: natalidem93@mail.ru